

История

**Р.И. Мельникова, В.И. Селютин,
В.Е. Федоринов**

ПРОБЛЕМЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Мельникова Раиса Ильинична — доктор социологических наук, профессор. Ректор Воронежского института экономики и социального управления

Селютин Валентин Иванович — доктор политических наук, профессор. Профессор кафедры политологии социологии Воронежского государственного университета

Федоринов Вадим Евгеньевич — доктор политических наук, профессор. Профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного авиационного инженерного университета (г. Воронеж)

Аннотация: статья посвящена дискуссиям по некоторым аспектам складывания и функционирования парламентаризма, которые велись российскими политиками и идеологами различных общественных течений в Российской империи на рубеже XIX-XX веков.

Ключевые слова: парламентаризм, народное представительство, однопалатный парламент, двухпалатный парламент, политическая партия, многопартийность.

Annotation: Article is devoted to discussions on some aspects of folding and functioning of parliamentarism which were conducted by the Russian politicians and ideologists of various public currents in the Russian Empire at a turn of the XIX-XX centuries.

Keywords: parliamentarism, national representation, one-chamber parliament, two-chamber parliament, political party, multi-party system.

В условиях общественной трансформации, которую пережила Россия за период с 90-х годов XX века и до конца первого десятилетия XXI века, её государственные структуры, в том числе и законодательные, вызвали многочисленные и весьма противо-

речивые и различные оценки. Именно поэтому в последнее время российскими политологами предпринимаются попытки обратиться к вопросам генезиса российского парламентаризма с целью поиска проверенных и подходящих для новых условий средств и методов решения актуальных общественно-политических проблем.

Так, в начале XX века, как и сегодня, остро стоял вопрос о дальнейшей модернизации всех сторон жизни российского общества, и в первую очередь — его политического устройства. Но эти процессы проходили крайне противоречиво: российская абсолютная монархия, в той форме, в которой она существовала, себя уже изжила, а бурное развитие капитализма в России ставило вопрос о необходимости установления буржуазной демократии, и, следовательно, парламентских форм правления.

Вступление России в XX век сопровождалось быстрой политизацией всех слоев общества, активизацией общественно-политической жизни, усилением демократического движения, в котором участвовали инженеры, учителя, врачи, студенты, творческая интеллигенция; постепенно вовлекалось в эту деятельность и «третье сословие». Происшедшие в стране во второй половине XIX века перемены общественно-политического и социально-экономического характера при всей их противоречивости побуждали общественность питать надежды на либерализацию общественной жизни, появление демократических институтов, представительных органов и политических партий. Соответственно, к этому предмету вырос и интерес научных кругов. Представления российских исследователей по проблемам парламентаризма, роли политических партий в формировании законодательных органов и т.д. базировались, естественно, исключительно на зарубежном опыте, в силу невозможности функционирования подобных институтов на почве Российской империи. В то же время, происходящие в российском обществе события медленно, но верно подводили страну к появлению ранее для неё несвойственных институтов, что и получило своё отражение в дискуссиях по вопросам возможного обустройства российского парламентаризма, которые развернулись в российской общественно-политической мысли между представителями различных идеологических направлений.

Интерес к изучаемому вопросу проявлялся по самым разным причинам — одним политическим направлениям надо было обосновать необходимость обновления государственного строя страны на началах демократии и конституционализма, другим — доказать, что подобное изменение в политическом строе России

малополезно или даже вредно, третьи утверждали, что парламентаризм, имея право на существование в России, не должен ущемлять права монарха и т.д. Все эти точки зрения активно обсуждались в сочинениях сторонников самых разных идеологических направлений, причём участники дискуссии до русской революции 1905 г. могли размещать результаты своих исследований только за рубежом. В ходе революции и после неё работ по этой тематике становится больше, они начинают появляться и в России.

Несомненно, на ход дискуссии оказывало определённое воздействие и то, что, например, российские партии левой ориентации — социал-демократы и эсеры — изначально видели для своих партий мало пользы в буржуазном парламенте, и, определив свою позицию по этому вопросу, к обсуждению этой проблемы обращались редко. Отметим, что позже точка зрения этих партий претерпела определённые изменения — от абсолютного неприятия буржуазного парламентаризма эволюционировала к попыткам использования этого парламента хотя бы для целей революционной агитации. Но наибольший накал дискуссии наблюдался, в первую очередь, в либеральных и консервативных кругах, чему и посвящена данная работа.

Вопросы парламентаризма, его формирования, форм и способов деятельности уже поднимались в трудах известных обществоведов второй половины XIX века. Так, перу выдающегося историка и правоведа Б.Н. Чичерина принадлежит работа «О народном представительстве», которая, как видно, как раз и посвящена исследуемому вопросу¹. Отметим, что и другие известные в России обществоведы уделяли внимание этому вопросу.

Интересно, что в своей работе «Две рецензии» Г.В. Плеханов полемизирует с авторами брошюры «Россия накануне двадцатого столетия», опубликованной в Берлине в 1900 г. и затем выдержавшей несколько изданий. Автор брошюры не был обозначен, но сегодня мы знаем, что авторство принадлежит Б.Н. Чичерину. В нашей работе используется текст третьего издания этой брошюры². В частности, Г.В. Плеханов останавливается на некоторых замечаниях Б.Н. Чичерина по поводу возможности введения в России «конституционного устройства».

Так, Б.Н. Чичерин утверждает: «Парламентское правление требует политической опытности, образования, сложившихся партий. Всего этого у нас нет»³, и в целом он был прав. Но, считал Б.Н. Чи-

¹См. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. Книга I. Существо и свойства народного представительства. Гл. IV. Свойства народного представительства. В кн.: Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. IV. Политическая мысль в России: Вторая половина XIX-XX в. М.: Мысль, 1997. С. 134-138.

²См.: Россия накануне двадцатого столетия. 3-е издание. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1903.

³См.: Россия накануне двадцатого столетия. 3-е издание. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1903. — С. 152-153.

черин, «вопрос ставится гораздо проще. Требуется положить предел неограниченной власти и вырвать монарха из развращающего влияния бюрократии. А для этого достаточно созвать в столицу собрание выборных, например, по 2 или по 3 человека от каждого губернского земства, и дать ему обсуждение законов и бюджета. Если, рядом с этим, преобразовать Государственный Совет в Верхнюю палату, очистив его от тех элементов, которые находятся там только по чину, то конституционное устройство готово. Не нужно много ломать голову»⁴. То есть, по мнению выдающегося российского правоведа, особых сложностей во введении в России парламентского правления не может быть. Отметим, что сама необходимость появления в стране парламента Б.Н. Чичериным не отвергается.

Г.В. Плеханов отвечает в своём комментарии, что «недостаточно указать данной стране правильный путь политического развития; надо ещё наметить те общественные силы, которые могут вывести её на этот путь. Существуют ли подобные силы в современной России?»⁵. Ответа на этот вопрос в брошюре Чичерина нет.

Б.Н. Чичерин объявляет русское общество несозревшим для парламентского правления, но утверждает, что легко можно ввести конституционное устройство. Это позволяет Г.В. Плеханову высказать некоторые соображения: «Если бы проектируемое нашим автором выборное собрание должно было иметь только совещательный голос, то от него до парламента... как до звезды небесной далеко»⁶. Но, как видно из текста брошюры Чичерина, он прекрасно понимал, что «собрание» совсем не означало бы ограничения монархической власти, поэтому он добавляет: «Необходимо, чтобы выборное собрание непременно было облечено правами», иначе «совещательное собрание, мнению которого можно следовать или не следовать, всегда будет в руках правящей бюрократии»⁷, которую Чичерин и считает корнем всех зол.

Плеханов обращает внимание на то, что для Чичерина «конституционное устройство» и «парламентское правление» суть разные вещи: «По-нашему, это различие совершенно неосновательно... Доказывать обществу необходимость «конституционного устройства» и в то же самое время говорить тому же самому обществу, что оно ещё не готово для «парламентского правления» — это значит... вносить в умы вредную путаницу понятий»⁸.

Согласившись оставить в стороне терминологический вопрос,

⁴См.: Россия накануне двадцатого столетия. 3-е издание. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1903. — С. 153.

⁵Плеханов Г.В. Две рецензии. Сочинения в двадцати четырёх томах. Т. 12. — С. 181.

⁶Плеханов Г.В. Две рецензии. Сочинения в двадцати четырёх томах. Т. 12. — С. 181.

⁷Россия накануне двадцатого столетия. 3-е издание. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1903. — С. 153.

⁸Плеханов Г.В. Две рецензии. Сочинения в двадцати четырёх томах. Т. 12. — С. 181.

Плеханов возвращается к вопросу о силах, которые могут «выступить у нас на борьбу за названное [конституционное — авт.] устройство». Сам Чичерин отдавал себе отчёт, что самодержец вряд ли «по собственному почину, в силу великодушного побуждения, ограничит свою власть»⁹. Это даёт возможность Плеханову заметить, что если нельзя рассчитывать на «добрую волю монарха, то очевидно, что не остаётся ничего другого, как апеллировать к воле народа»¹⁰.

Следует отметить, что Чичерин, не признававший революционного пути решения проблем России, так и не приходит к выводу о том, кто и как сможет привести Россию к разумному государственному устройству, и заключение его брошюры выдержано в слагательном наклонении: «Может быть, у нас появится государственный человек, вроде Кавура или Бисмарка, который поймёт задачи времени и сумеет двинуть Россию на путь, указанный ей историей. Возможно и то, что появится царь, одушевлённый высоким нравственным чувством, который захочет быть благодетелем подвластных ему народов. Во всяком случае, оставаться при нынешнем близоруком деспоте невозможно»¹¹.

Плеханов хорошо схватывает неопределённость и сбивчивость рассуждений Чичерина в заключении его брошюры и логически их развивает: «Но в таком случае нечего и толковать об ограничении монархической власти, потому что в таком случае правы наши охранители, утверждающие, что никакая другая власть у нас не возможна. А так как неограниченная царская власть... не содействует развитию общественного сознания, а, наоборот, всё более его развращает, то выходит, что наше положение безвыходно»¹². Плеханов вполне убедительно показывает и корни такого положения: «Наш автор принадлежит к той, многочисленной на Руси, категории либералов, которая характеризуется крайней отвлечённостью её политических воззрений. Честные и неподкупные, умные и образованные либералы этой категории искренно сочувствуют страданиям своей родины и все душой стремятся принести ей пользу. Но они не знают, как взяться за дело...»¹³ [везде выделено курсивом Г.В. Плехановым — авт.]. Отсюда — беспомощность и способность определённой части российских либералов к чисто теоретическим изысканиям, без попыток реализации своих разработок.

Надо отметить, что в начале XX века шла очень серьёзная рабо-

⁹Россия накануне двадцатого столетия. 3-е издание. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1903. — С. 154.

¹⁰Плеханов Г.В. Две рецензии. Сочинения в двадцати четырёх томах. Т. 12. — С. 184.

¹¹Россия накануне двадцатого столетия. 3-е издание. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1903. — С. 155.

¹²Россия накануне двадцатого столетия. 3-е издание. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1903. — С. 185.

¹³Плеханов Г.В. Две рецензии. Сочинения в двадцати четырёх томах. Т. 12. — С. 185.

та по осмыслению российскими обществоведами опыта западных стран по практической реализации в жизни общества демократических принципов и возможности применения этого опыта в условиях России. Серьёзным свидетельством этого является большое количество трудов по вопросам партийного строительства и парламентаризма, выходящих в это время. Причём представители политической мысли в исследуемый нами период тесно увязывали проблемы развития партий с их деятельностью в парламентах, практически видя в этом их главную функцию. Поэтому, вероятно, в книге Ю.С. Гамбарова «Политические партии в их прошлом и настоящем»¹⁴, одной из первых, появившихся в стране, выделен самый большой и насыщенный фактическим материалом раздел «Политические партии при системе парламентаризма», в котором специально анализу подвергается парламентская деятельность политических партий, которая, как он считает, является основным полем их деятельности. Он считает, что функциями и целью политических партий является «управление государством и контроль над этим управлением»¹⁵. Причём Ю.С. Гамбаров считает, что в условиях парламентаризма может быть «две и, только две больших политических партии»¹⁶, оговаривая далее, что это могут быть не партии, а две коалиции партий. С точки зрения автора брошюры, такое разделение парламента на два противостоящих лагеря есть «существенное условие успеха парламентаризма»¹⁷. Что касается российского опыта, то хотя Дума и имела, как правило, два большинства, она была всё же многопартийным представительным учреждением, но не двухпартийным, которое, по словам Гамбарова, было характерно для англо-саксонской парламентской системы¹⁸.

В то же время, Гамбаров считает, что при двухпартийной системе появление любой «третьей силы» в парламенте дезорганизует работу и парламента, и государственных органов, поэтому одна из сторон должна либо поглотить эту третью, или заключить с ней пакт на условиях компромисса. Вероятно, знакомство Гамбарова с практикой парламентаризма Западной Европы играет с ним дурную шутку — никакой иной системы, как двухпартийной, он признавать не желает: «Подобные соображения позволяют большинству английских и американских писателей, за которыми следуют теперь и французы, считать разделение страны и парламента на две, и только на две, партии необходимым условием успешного

¹⁴Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альшшулера, 1905.

¹⁵Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альшшулера, 1905. — С. 27.

¹⁶Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альшшулера, 1905. — С. 28.

¹⁷Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альшшулера, 1905. — С. 28.

¹⁸Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альшшулера, 1905. — С. 30.

применения парламентаризма»¹⁹. Гамбаров считает, что именно установление двухпартийного режима лежит в основании успешной деятельности парламентов в Англии и США, а неудача парламентского режима во Франции и в других европейских странах связаны с тем, что их «партии расщеплены до бесконечности и никак не могут быть втиснуты в то двухчленное деление»²⁰. (То есть одновременно с рассмотрением проблем парламентаризма Гамбаровым поднимается и проблема рациональных границ многопартийности).

В трактовке Гамбарова «система парламентаризма есть правительство партий», опирающееся в парламенте на компактное большинство, «против которого должно стоять такое же компактное меньшинство»²¹. Из этого определения вытекает, что правительство должно быть, с одной стороны, партийным, а с другой — предполагается обязательное наличие оппозиции, которая призвана обеспечивать демократический контроль за деятельностью парламентского большинства. Таким образом, для Ю.С. Гамбарова парламентаризм обязательно связан с деятельностью партий, что в целом соответствует действительности.

Кроме того, как утверждает Ю.С. Гамбаров, в парламент может входить множество партий, но неизбежно образование блоков и коалиций, как правило, по его мнению, двух, противостоящих друг другу. Но «объединение многих партий в две группы партий требуется только техникой парламентаризма, которой не устраняется ни противоположность интересов и воззрений отдельных элементов объединённых партий, ни постепенное ослабление противоположности этих партий»²². При той двухпартийной системе, которую описывает Гамбаров, получается, что партии, входящие в один из блоков, не отказываясь от своих интересов, объединены с другими членами альянса каким-то общим тактическим интересом — чаще всего, как следует из рассуждений Гамбарова — прорывом к власти, что облегчается объединением их усилий, но, получив власть, они будут использовать её в своих интересах. Поэтому, ссылаясь на опыт США, он пишет, что политические партии превращаются в «машину, поставляющую министров и других должностных лиц в правительство»²³. В подтверждение своей мысли Гамбаров ссылается также на опыт Великобритании и Франции. С данным положением Гамбарова можно согласиться в том смысле, что подбор, воспита-

¹⁹Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. — С. 30.

²⁰Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. — С. 30.

²¹Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. — С. 31.

²²Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. — С. 31.

²³Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. — С. 32.

ние и выдвижение политических руководителей действительно является одной из важнейших функций политических партий.

Таким образом, Ю.С. Гамбаровым в рамках проблемы «парламентаризм и партии» был поднят широкий круг вопросов, позволявших политическим партиям России, только ещё начинавшим свою деятельность, перенять опыт зарубежных стран и в области парламентаризма, и в области форм и методов парламентской деятельности партийных фракций. К сожалению, насыщенный богатым фактическим материалом, интересными мыслями и рассуждениями автора раздел «Политические партии при системе парламентаризма» заканчивается выводами, которые сводятся всего лишь к тому, что автор считает доказанной «полная совместимость парламентаризма с существованием в стране и парламенте многочисленных партий»²⁴.

Но вместе с чисто теоретическим рассмотрением вопросов парламентаризма и возможности его реализации в России другая часть либеральной интеллигенции предпринимала попытки рассмотрения практической их реализации. Так, вопрос о структуре представительного органа обсуждался и на съездах общественности, причём вопрос сразу приобрёл дискуссионный характер. Так, на съезде Союза городов, который состоялся 15-16 июня 1905 г., в прениях по поводу верхней палаты представители Одессы и Кронштадта выступали за однопалатный парламент, мотивируя это тем, что в России не сложились исторически такие условия, которые могли бы способствовать нормальной деятельности двухпалатного парламента, подобного английскому, делегаты указывали на опасность того, что правительство использует двухпалатность парламента для дискредитации народного представительства путём внесения раздора между палатами. Но на съезде высказывалась также точка зрения в пользу двухпалатного парламента, прозвучавшая в выступлениях депутатов Саратова и Томска и поддержанная М.И. Петрункевичем²⁵.

В результате дебатов на съезде большинством голосов была принята резолюция, содержащая базисные положения о народном представительстве, на которые должны были опираться члены Союза в своей повседневной работе. В частности, резолюция подтверждала приверженность Союза городов идее двухпалатного парламента: «Народное представительство составляется из двух палат, отдельных и самостоятельных, из которых первая должна состоять из представителей, избранных всем населением Импе-

²³Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. — С. 32.

²⁵Съезд представителей городов в Москве // Освобождение. № 73 (19(16) июля 1905 г.). — С. 183-357.

рии..., а вторая должна состоять из представителей, избранных органами местного самоуправления, преобразованного на демократических началах и распространённого на всю Российскую Империю»²⁶.

Мнения и оценки роли парламента в российском обществе в исследуемый период можно классифицировать в соответствии с теми идейными направлениями, которые определялись интересами различных политических сил в России, и если позиции представителей оппозиционных сил изучены достаточно подробно, то взгляды лагеря охранителей монархии известны несколько хуже.

Остановимся подробнее на позициях представителей лагеря монархистов и неоконсерваторов, их воззрениях на возможности конституционного пути развития России.

Наиболее заметным и последовательным выразителем идеологии ультрамонархистов был К.П. Победоносцев. Ему принадлежит работа «Великая ложь нашего времени», ставшая своего рода манифестом монархистов. По его мнению, «одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та... идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма... Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и проводит её в действие»²⁷. Победоносцев отмечает, что выборные люди не могут править непосредственно и вынуждены выбирать министров для выполнения законов.

Самая весомая причина, которую указывает Победоносцев как главное основание для критики парламентаризма, это невозможность самого человека переступить через свойственные ему изначально страсти, искушения и соблазны: «Механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица устранились вовсе от своей личности, когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа, когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства, когда бы при том представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им и математически точно выраженную программу действий»²⁸. То есть парламентский механизм, по мнению Победоносцева, не был способен к нормальной работе в силу свойственного любому человеку недомыслия и корыстности народных избранников. В то же время, всё сказанное с той же сте-

²⁶Съезд представителей городов в Москве // Освобождение. № 73 (19(16) июля 1905 г.). — С. 373.

²⁷Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. — С. 31-32.

²⁸Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. — С. 33.

пенью достоверности может быть адресовано и представителям правившей в то время элиты, которые были такими же людьми, как и гипотетические народные представители, которым Победоносцев приписывает все смертные грехи.

Определённую эволюцию от воззрений Победоносцева к признанию парламентаризма представляют взгляды неоконсерваторов. Следует отметить, что разница во взглядах ультрамонархистов и неоконсерваторов существенно проявляется только в том, что если ультрамонархисты вообще не принимали идей демократии и парламентаризма, которые означали ущемление в чём-то прерогатив самодержца, то неоконсерваторы признавали возможность установления в России парламентской демократии при условии, что она не должна противоречить единоличной власти монарха, и, скорее, будет её дополнять и усиливать. В любом случае верховная власть императора, по их мнению, должна быть основой государственного строя, обеспечивая его стабильность. Фактически, сторонники этого идеологического течения предлагали предпринять попытку консервативного реформирования системы власти, по своей сути косметическую и не затрагивающую основ самодержавия.

Программным документом той части монархистов, которые были готовы всё же на некоторые уступки в реформировании общественного строя, стала концепция сословного народного представительства, сформулированная в труде Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность», опубликованном в 1905 г.²⁹ В соответствии с этой теорией выдвижение кандидатов должно происходить одинаково от всех групп и сословий, преобладающих в российском обществе. То есть изначально в выборную систему закладывалось противоречие — каждая социальная группа получала одинаковое количество мест в парламенте, вне зависимости от того, каково количество членов этой социальной группы в стране. Тихомиров провозглашает, что «в монархическом национальном представительстве важно не число депутатов и не пропорциональность чисел, а доброкачественность представительства, его неподдельность, его компетентность и его всеобъемлемость»³⁰. По мнению Тихомирова, монархия в сочетании с народным представительством имеет несомненные преимущества по сравнению с парламентарными государствами, парламенты которых имеют двухпалатное строение, «из коих одна представляет народных представителей, другая же так или иначе — назначенных «пэров»,

²⁹См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992.

³⁰См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992. — С. 582.

или представителей «Штатов», или вообще лиц несменяемых и более независимых. Все эти сочетания могут иметь смысл в демократии, особенно в целях придать высшим государственным учреждениям несколько больше консервативности, создать сдержку чрезмерному легкомыслию и увлечениям «представителей народа». Едва ли всё это имеет какой-либо смысл в монархическом государстве»³¹.

Как видим, неоконсерваторы тоже по-своему включились в дискуссию о том, каким быть русскому парламенту (однопалатным или двухпалатным), которая развернулась в либерально-интеллигентской среде в середине 1905 г. Но если либералы пытались разрешить эту проблему с целью чётко представить себе формы парламентаризма, с которыми им придётся реально работать, то задачей неоконсерваторов было обосновать необходимость минимального допущения народных представителей к управлению государством, чего можно было достичь, с одной стороны, изначальным сужением численного состава привлекаемых представителей общества, а с другой — обоснованием максимального урезания реальных возможностей вмешательства этих представителей в управленческую деятельность. В этом отношении Тихомиров смыкается с теми, кто отстаивал необходимость двухпалатного парламента, в котором верхняя палата является сдерживающей силой и «сторожевой собакой», как выразился один из теоретиков русского либерализма Ф.Ф. Кокошкин.

Развитию и конкретизации неоконсервативного понимания парламентаризма и его сочетания с монархией посвящена работа известного историка В.И. Герье, бывшего члена Государственного Совета. Его подход к изучаемому вопросу тоньше и компромисснее, чем у крайних монархистов и Тихомирова, хотя и для Герье монархия является незыблемой ценностью и её необходимость как социального института для России не ставится под сомнение. В то же время, его работа «О конституции и парламентаризме в России», вышедшая в 1906 г.³², посвящена анализу и критике западных и неославянофильских взглядов на эту проблему. Сам же Герье считал, что русское государство должно идти по европейскому пути реформирования, откуда и его мысль о необходимости введения в России конституционной монархии: «Конституция — единственное средство объединить ... естественный дуализм между правительством и обществом, приспособить правительственную

³¹См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992. — С. 575.

³²Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории русской общественной мысли XIX и XX веков. Часть II. М.: Наука, 1994. — С. 36.

деятельность к культурным потребностям нашего времени и современного человека»³³. Идеал государственного устройства для Герье — монархия конституционная, а не парламентарная, и главным достоинством конституционной монархии, по его мнению, является то, что она, в отличие от парламентарной, выступающей как «владычество партий», стоит над партиями, а монархия выступает скрепляющим началом для всего общества.

Таким образом, несмотря на то, что самодержавие стремилось к экономической модернизации России, стараясь не затрагивать общественно-политического устройства, оно всё же было вынуждено считаться с тем, что определённые экономические преобразования требуют соответствующих политических реформ. Поэтому общественно-политическая мысль России активно обсуждала вопрос о способах избрания Госдумы, её полномочиях и структуре, о месте политических партий в этих процессах. Можно сделать вывод, что единое понимание роли и места Думы в российском обществе отсутствовало — представители разных политических направлений видели Думу в соответствии со своими доктринальными представлениями. Нетрудно заметить, что полемика, развернувшаяся более ста лет назад, затрагивала вопросы, которые актуальны и для нашего времени. Безусловно, нельзя проводить прямолинейных параллелей с современностью, но в политической структуре, вероятно, не случайно много схожих моментов, обеспечивающих неограниченную власть правящих кругов и резко ослабляющих влияние демократически избранных депутатов на состав правительства и его политику. А ведь именно подобное ограничение демократических начал в обществе беспокоило представителей либеральной и революционно-демократической мысли России ещё в начале XX века.

³³Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории русской общественной мысли XIX и XX веков. Часть II. М.: Наука, 1994. — С. 36.